

12+

Анна Пейчева

**В ГОСТЯХ
У ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ:
РОСКОШЬ ИМПЕРИИ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ**

ЭПОХА
РОМАНОВЫХ

Анна Пейчева

**В гостях у Екатерины
Великой: роскошь империи
глазами иностранцев.
Серия «Эпоха Романовых»**

«Издательские решения»

Пейчева А.

В гостях у Екатерины Великой: роскошь империи глазами иностранцев. Серия «Эпоха Романовых» / А. Пейчева — «Издательские решения»,

«Пышным до безрассудства» называли двор Екатерины II. Во время коронации императрицы в Москве фонтаны били белым и красным вином. В Петербурге на обед подавали «Троянскую свинью» по античному рецепту, а на десерт — хрустальные чаши, наполненные бриллиантами вместо крем-брюле. Но вместо восторга иностранные гости впадали в растерянность от чрезмерного великолепия золотых дворцов на фоне темных крестьянских избышек.

© Пейчева А.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог. Преемница другого Петра	9
Хладнокровный английский доктор Томас Димсдейл	16
Масштаб бедствия	17
За дело берется военный хирург	18
Вирус в голубой крови	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

В гостях у Екатерины Великой: роскошь империи глазами иностранцев

Серия «Эпоха Романовых»

Анна Пейчева

© Анна Пейчева, 2026

ISBN 978-5-0070-4908-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Француз Луи-Николя ван Бларенберг запечатлел выгрузку Гром-камня на Сенатскую площадь в 1770 году. Картина очень репортажная: мы словно слышим крики толпы и уханье грузчиков, скрип бревен под гигантским валуном, плеск невских волн и трубы военного оркестра, грохот пушек Петропавловской крепости и залпы фейерверков в светлом мартовском небе великолепного Санкт-Петербурга (Государственный Эрмитаж / Wikimedia)

От автора

Герои этой книги оказались в Петербурге случайно. Они не были дипломатами, журналистами или предпринимателями. От них никто не ждал официальных отчетов, профессиональных статей или анализа экономической ситуации в стране.

Наши герои записывали свои впечатления просто так — для себя, для своих далеких родных, по которым они отчаянно скучали. Отмечали забавные случаи, необычные русские традиции и, конечно, «холод! ужасный холод!»¹ — этот мотив, как припев, повторяет каждый европеец в России. И пока «ученые немцы» — маститые академики — составляют таблицы зимних температур и и обсуждают их влияние на флору и фауну Сибири, веселый молодой шотландец Уильям Ричардсон рассказывает услышанный им где-то курьез: «Два русских крестьянина приветствовали один другого, и по причине невероятной силы мороза неожиданно их бороды примерзли друг к другу. Я, правда, не могу подтвердить этот факт», — честно добавляет Ричардсон.

Подобные сведения совсем не интересны госпоже Большой истории, озабоченной внешней и внутренней политикой Российской империи. Но именно пустяки, несерьезные мелочи — вроде горячего сбитня в лютую стужу или сережек из обломков Гром-камня в ушах императрицы — врезаются в память навеки.

¹ Уильям Ричардсон «Письма 1768—1777 гг.».

Разносчик продает горячие напитки, сбитень и крендели (шведский художник Бенжамен Патерсен, Национальный музей Швеции / Wikimedia, 1787)

Всем нашим героям посчастливилось познакомиться с Екатериной II. И эти встречи они описали со свойственной им непринужденностью. А японский капитан Кодаю во время приема и вовсе лизнул императрице руку.

Итак, наши проводники по екатерининской эпохе:

— трое энергичных британцев — уже упомянутый нами учитель **Уильям Ричардсон**, а также его хорошие знакомые — доктор **Томас Димсдейл с супругой Элизабет**;

— ландграфиня **Генриетта Каролина** из тихого немецкого герцогства, и пусть вас не смущает ее титул — письма Генриетты предназначались горячо любимой маме, а потому были просты и искренни;

— молодой японец **Дайкокуя Кодаю**, растерявший во время шторма все подарки любимой и застрявший в России, где и был допущен к руке Екатерины;

— и наконец, художница **Элизабет Виже-Лебрен** из Парижа — очень наблюдательная по роду своей деятельности, к тому же красавица и умница.

Их заметки о российском императорском дворе особенно интересны потому, что наши герои не хотят да и не умеют льстить, в отличие от опытных иностранных посланников.

Перед нами обычные люди, которых ветер судьбы занес в «негостеприимные земли, много месяцев года покрытые снегом и объятые всеми ужасами полярной зимы»², — просторные владения Семирамиды Севера. Так британцы называли Екатерину II, сравнивая российскую императрицу со знаменитой древнеассирийской царицей, свергнувшей своего мужа и основавшей великий Вавилон.

² Натаниэль Уильям Рэкселл «Письма 1774 г.».

Пролог. Преемница другого Петра

«Я нашла Петербург почти деревянным, а оставлю в нем здания, украшенные мрамором», — писала Екатерина II своей подруге мадам Бельке.

Да, императрице достался вовсе не тот Петербург, каким мы его знаем сегодня. Это был всего лишь эскиз города мечты, небрежный черновик, который Екатерине предстояло переписать набело.

Так выглядел Невский проспект в 1753 году. Слева Аничков дворец. Гравюра русского художника Михаила Махаева (Русский музей / Wikimedia)

«Поскольку это место создано за такое малое количество времени, оно спланировано с большой регулярностью: там нет ничего, что выглядело бы старым, и многое все еще несовершенно и не завершено, — отмечали гости города. — В настоящее время он занимает громадное пространство земли, но так как дома во многих частях не соприкасаются друг с другом, и большие территории оставлены незастроенными, очень трудно определить его реальный размер»³.

Живое и красочное описание столицы накануне воцарения Екатерины дает литератор Григорий Петрович Данилевский:

«Петербург в 1762 году был все тот же, в зимние месяцы — грязный, а в летние — пыльный, малоосвещенный, до крайности разбросанный и на две трети бревенчатый, чухонско-немецкий городок. Жителей в нем тогда считалось с небольшим сто тысяч. Воды его были без набережных, с навозными плотинами и деревянными мостами, ухабы зимой по улицам чуть не по пояс человека. Вместо улиц, вдоль линии Васильевского острова, шли, как в Венеции, каналы с разводными мостами на перекрестках проспектов. Кучи навоза и всякой брошенной дряни загромождали тротуары и углы перекрестков, валялись и, испуская вредные испарения, тлели на площадях. Бездомные одичалые собаки, наводя страх на пешех и конных, бродили

³ Н. У. Рэкселл.

стоями по городу, бесились и кусали людей. От нищих, калек и всяких попрошайек не было прохода.

Невская перспектива в полдень покрывалась гуляющими. Шли статские щеголи, в черных бархатных кафтанах, лосиных панталонах и ботфортах выше колен, либо в розовых и желтых шелковых фраках, с огромными лорнетами, а когда было холодно — с кунными и соболиными муфтами. Щеголихи, с затянутыми, в виде ос, талиями, несли на головах хитро устроенные прически, на манер рыцарских замков, цветочных корзин, китайских беседок и кораблей. Но и на этой первостатейной улице не обходилось без неприятностей. У кофейной Мура или магазина мод госпожи Токе, не обращая внимания на разряженных в пух и прах прохожих, лежал, растянувшись по тротуару, избитый в кровь и с разорванными портами, мертвецки пьяный матрос. Верховой конногвардеец, с громкой бранью и с обезображенным от злобы лицом, у чьего-то дома стегал хлыстом чужого напудренного и важного кучера за то, что тот не свернул раззолоченной, с кожаными занавесками, кареты и тем помешал ему проскакать вдогонку за какою-то умчавшейся красавицей. Между тем мясные, зеленные и рыбные лавки, кабаки и постоянные дворы невозбранно распространяли запах грязи и всякого сора, валявшихся в них и возле них. Утонченная Европа и дикая, неумытая Азия уживались рядом друг с другом».

«Эко чучело!» — картина художника Сергея Соломки, написанная в 1910 году, возвращает нас в середину XVIII века, в эпоху императрицы Елизаветы Петровны, когда простой народ еще насмехался над дворянской западной модой (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) / Wikimedia).

Екатерина вошла на трон 28 июня⁴ 1762 года в результате свержения своего мужа — Петра III Федоровича. Мир настороженно следил за действиями дерзкой молодой женщины (на момент переворота Екатерине было 33 года). Все знали, что прав на корону у нее нет никаких. В лучшем случае она могла рассчитывать на роль регента при семилетнем сыне — законном наследнике престола.

Если Екатерина хотела, чтобы к ней относились всерьез, нужно было как можно скорее избавиться от проигрышного образа вдовы Петра III. А потому новоявленная императрица сделала ставку на другого Петра — Великого. В первые же годы своего правления Екатерина затеяла строительство грандиозного Медного всадника со «скромной» надписью «Петру Первому

⁴ По старому стилю. По новому — 9 июля.

Екатерина Вторая», желая показать себя преемницей царя-реформатора, а вовсе не несчастного своего супруга.

Екатерина II часто носила платья в русском народном стиле и даже кокошники, чтобы быть ближе к народу. Примечательно, что этот портрет императрицы написал в 1780 году итальянский мастер Стефано Торелли (ГИМ / Wikimedia).

Возведение невиданного по своему масштабу монумента стало главной новостью столицы на многие десятилетия. Контракт с Фальконе был подписан в августе 1766-го, а открылся памятник в августе 1782-го. Все эти годы императрица лично контролировала ход работ —

ездила в Лахту, где обнаружился подходящий камень для пьедестала; запретила его сильно обтесывать — ей хотелось сохранить «дикий» вид мощного валуна.

Наш приятель Ричардсон, обучавший детей посланника Великобритании в России, тоже прокатился до Лахты, чтобы своими глазами увидеть уникальную скалу, которой предстояло занять открыточное место в центре Петербурга: «В своем составе она содержит много гранита и оникса, требует серьезной полировки и представляет красивую смесь белого, розового и серого цветов, — делился своими впечатлениями Ричардсон. — В некоторых своих жилах она блестит. Некоторые ее прожилки представляют красивую смесь бледно-розового цвета. Серьги и пуговицы для рукавов, отделенные от фрагментов этой скалы, ныне очень модны».

Простенькую бижутерию из осколков Гром-камня Екатерина ценила выше любых бриллиантов — ведь это была частичка самого дорогого ее сердцу проекта. Императрица не только носила гранитные серьги сама, но и дарила их друзьям: «Не удивительно, что ювелиры, по своему расчету, находят выгодным говорить, что это драгоценные камни, — с улыбкой сообщала Екатерина мадам Бельке, — но я вам скажу на ушко, что это простые шлифованные булыжники, местами довольно красивого цвета; для доказательства посылаю вам из них безделушку, которая нисколько не противоречит тому, что я вам рассказываю».

Шотландский учитель Уильям Ричардсон (1743—1814) (Британский музей (The British Museum) / Wikimedia)

Рядом с будущим Медным всадником императрица задумала построить самой большой в городе православный храм — Исаакиевский собор. Первый камень в основание церкви Екатерина заложила сама — «очень непринужденно и грациозно». Конечно, на церемонии присутствовал и неугомонный Ричардсон. Шотландец подробно описал шествие священников с флагами, «на которых яркими красками были изображены деяния и, я думаю, мучения Св. Исаакия». А главное, молодой учитель впервые увидел императрицу — так близко, что смог даже оценить ее макияж.

«Российская императрица выше среднего роста, очень миловидна, изящно сложена, но имеет склонность к полноте, со светлой кожей, которую, как и все женщины в этой стране, она стремится улучшить румянами, — сообщал Ричардсон. — Она имеет красивые рот и зубы

и голубые глаза, смотрящие испытующе. В общем, ее черты правильные и приятные... Она была в платье из серебряной материи с фоном цвета зеленого гороха, с пурпурными цветами и серебряными украшениями. Ее волосы были уложены согласно нынешней моде. Также на ней было богатое алмазное ожерелье, браслеты, серьги и голубая лента высшего рыцарского ордена; так как погода стояла очень теплая, в руке она несла маленький зеленый зонт. И ко всем вокруг она обращалась с улыбкой и очень учтиво».

Итак, для петербуржцев правление Екатерины началось с глухого забора вокруг Исаакиевской площади, нагромождения камней на прилегающих улицах, толпы рабочих, пыли и непрекращающегося грохота. Императрица не упускала случая заглянуть на стройплощадку: «Утром, между молитвой и завтраком, она часто совершает прогулку в карете или санях, согласно погоде, — рассказывал Ричардсон. — В этих случаях она не берет с собой гвардейцев, и очень мало слуг, для того, что не хочет быть узнанной и чтобы ее приветствовали как императрицу. И таким способом она посещает все заметное».

Так могли выглядеть украшения из осколков Гром-камня. Эта серебряная брошь произведена в 1850 году в шотландском Абердине, который также называют Гранитным городом. Обратите внимание на творческую работу мастера с гранитом разных оттенков и янтарным кварцем, задающим тон всему украшению (Aberdeen City Council (Archives, Gallery and Museums Collection) / Wikimedia)

Эх, не зря образованные гости, прибыв на берега Невы, вспоминали древний Вавилон! Во времена Екатерины город Петра и правда стал похож на библейский мегаполис. Сколько языков звучало на улицах столицы! Медный всадник был поручен французу, Исаакиевский собор — итальянцу, основные работы выполнялись русскими мастерами. «Никакой другой город в Европе не имеет большего разнообразия иностранцев, чем Санкт-Петербург, — писал Ричардсон. — В Лондоне и Париже находятся европейцы всех национальностей, но нет дополняющих их татар, черкесов и армян. По причине большого числа иностранцев в Санкт-Петербурге многие здесь говорят на разнообразных языках, и даже для дам не будет оскорблением,

если ты скажешь, что они полиглоты. Английские дамы изъясняются здесь на французском, немецком и русском языке и некоторые на итальянском».

Англичане занимали особое место в сердце Екатерины — они помогли ей подготовить и совершить переворот⁵. «Островом мудрости, смелости и добродетели» называл Британию духовник императрицы; его проповедь с большим удовольствием прослушал наш друг Ричардсон.

А потому ничего удивительного, что свое здоровье императрица доверила врачу из Лондона.

Доктору Димсдейлу предстояла необычайно важная миссия — привить государыню от оспы. Король Георг III следил за ходом процедуры из Букингемского дворца. Нюансы медицинской авантюры горячо обсуждались в Петербурге, за обедом у британского посланника, где присутствовал и учитель Ричардсон. Собравшиеся понимали, что в случае неудачи Димсдейлу несдобровать: врача ожидала темница, еще вероятнее — смертная казнь. Решили держать у ворот наготове почтовую карету. Если что-то пойдет не так, экипаж домчит доктора в безопасное место — на яхту, пришвартованную в Финском заливе и готовую отплыть к берегам Англии.

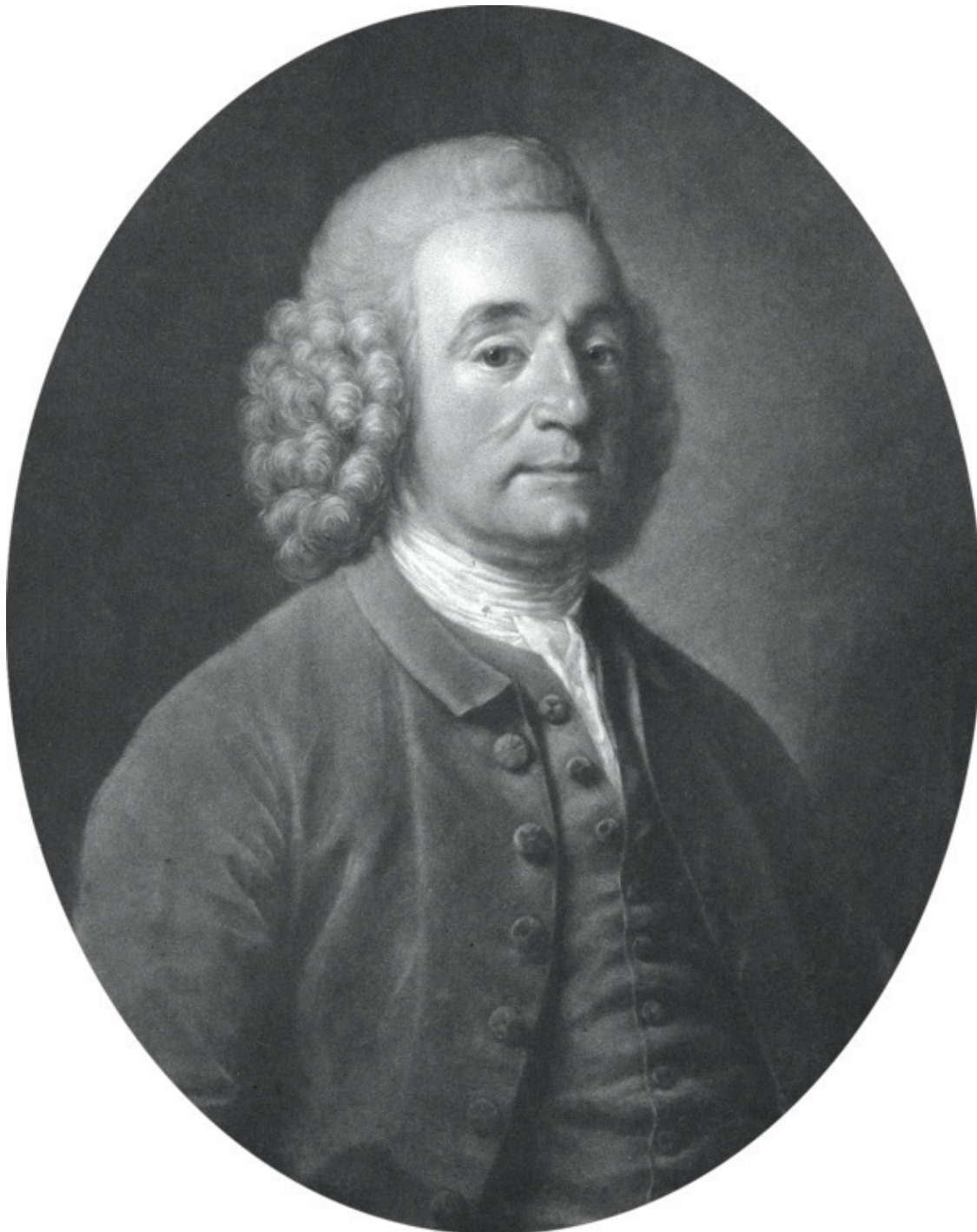

Лодки и корабли всех мастей играли огромную роль в жизни петербуржцев. Это хорошо заметно на гравюре Михаила Махаева «Проспект по реке Фонтанке от Грота и Запасного дворца на полдень» (1753 год) (Государственный Эрмитаж / Wikimedia)

⁵ Об этом пишут историки Анри Труйя и Казимир Валишевский.

Хладнокровный английский доктор Томас Димсдейл

В XVIII веке черная оспа бушевала по всей Европе. В 1768 году вирус добрался до Петербурга. Заболела фрейлина императрицы — молодая графиня Анна Шереметева. И государыня рискнула — согласилась участвовать в медицинском эксперименте. Английский врач-новатор Томас Димсдейл сделал императрице оспенную прививку по методу вариоляции.

Барон Томас Димсдейл (1712—1800) (Thomas, Baron Dimsdale. Mezzotint by T. Burke after himself / Wellcome Library, London <http://wellcomeimages.org>)

Масштаб бедствия

Екатерина никогда не была мнительной. 39-летняя императрица отличалась поразительным хладнокровием и стальными нервами. Однако именно ясный разум подсказывал государыне, что черной оспе ей не избежать.

Как пишет немецкий историк профессор Иммерман, «оспа не щадила никого, ни знати, ни черни; она распространяла свою губительную силу так же часто в хижинах бедных, как и в жилищах богатых, она проникала во дворцы государей и не раз угрожала европейским династиям». Шансы на выживание у оспенных больных были не так уж велики — всего 60—70 процентов. Екатерина регулярно получала известия о кончине коронованных особ, которых она знала лично. Оспа буквально опустошила семейство Габсбургов, поработала в домах Моцарта и Гайдна. Ежегодно вирус уносил жизни полутора миллионов европейцев. У немцев даже сложилась поговорка: «Немногие избегают оспы и любви». Если полиция разыскивала человека, в качестве особой приметы указывала: «Знаков оспы не имеет». Кстати, именно широкое распространение этой болезни стало главной причиной злоупотребления косметикой — белила и румяна «заштукатуривали» шрамы на лице.

Муж Екатерины, император Петр III, тяжело переболел за год до свадьбы, и это произвело сильное впечатление на будущую государыню: «Лицом был неузнаваем: все черты его лица огрубели, лицо все было распухшее, и несомненно было видно, что он останется с очень заметными следами оспы. Так как ему остригли волосы, на нем был огромный парик, который еще больше его уродовал. Он подошел ко мне и спросил, с трудом ли я его узнала. Я пробормотала ему свое приветствие по случаю выздоровления, но в самом деле он стал ужасен».

Позже Екатерина писала своему другу, прусскому королю Фридриху II: «Меня приучили с детства питать ужас к оспе, мне стоило больших трудов уменьшить эту боязнь в более зрелом возрасте; в малейшем нездоровье, постигшем меня, я уже видела вышеназванную болезнь. В течение весны и прошедшего лета, когда эта болезнь производила большие опустошения, я скрывалась из дома в дом и удалилась из города на целые пять месяцев, не желая подвергать опасности ни сына, ни себя. Я была так поражена положением, исполненным такой трусости, что считала слабостью не суметь выйти из него».

За дело берется военный хирург

Томас Димсдейл был еще более хладнокровным и решительным человеком, чем Екатерина. Он родился в графстве Эссекс в семье медиков, работал военным хирургом, затем занялся частной практикой в Гертфорде. В 1760-х Димсдейл сделал себе имя на новом методе борьбы с оспой — вариоляции. Этот суровый вариант прививки пришел в Европу с Востока. На руке здорового человека делали надрез, в который втирали жидкость из оспин больного. Пациент заражался, но в легкой форме. Спустя несколько недель вырабатывался иммунитет к вирусу. Процедура была достаточно опасной и заканчивалась печально для каждого пятидесятого. Тем не менее, Димсдейл, потренировавшись на преступниках и воспитанниках детских домов, сумел доказать, что вариоляция — неплохой способ избежать тяжелого течения болезни. Эксперимент английского доктора вызвал большой интерес в Европе и взволновал российскую императрицу.

Летом 1768 года Димсдейл получил письмо от российского посла Мусина-Пушкина, который извещал, что «императрица желала вызвать искусного врача в С. Петербург, с целью ввести там оспопрививание». Англичанин отказался. Посол настаивал, предлагал любые гонорары. Однако, как писал Димсдейл, «корыстные побуждения имели всегда в моих глазах мало веса». В конце концов доктор согласился отправиться в командировку из любви к науке. Ему предстояла самая ответственная операция в жизни.

Вирус в голубой крови

В Петербурге Димсдейла приняли по-царски: «Мы сидели за длинным столом. Императрица одна занимала почетное место, около 12 дворян сидели за те же столом. Обед состоял из разных превосходных кушаний, приготовленных на французский манер, и с таким после того десертом из лучших фруктов и варений, что я и не ожидал найти их в этой стране... Беседа шла так свободно и весело, как можно было ожидать от лиц, равных между собою, а не от подданных, удостоенных чести быть в обществе их государыни».

Сразу после обеда императрица перешла к делу. Она просила как можно скорее сделать ей прививку, поскольку наслышана, что пациенты Димсдейла «хворают со всеми возможными удовольствиями и ни один из них не лежит в постели». Врач предупредил о рискованности вариоляции, но Екатерина была непреклонна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.